

UNITED WISDOM

Интеллект, сознание и способность страдать

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-10-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Интеллект, сознание и способность страдать

Эпиграф

Могут ли они страдать?

Джереми Бентам, *Введение в основания нравственности и законодательства*, гл. XVII, §1, прим. 122 к абзацу IV; исправленная редакция 1823 года в оксфордском издании 1907 года. Перевод United Wisdom с английского. Вопрос относится к животным; его нельзя выдавать за установленный ответ о любой искусственной системе.

О чём эта статья

Существо может решать сложную задачу, не сообщая нам, есть ли у него субъективный опыт. А способность переживать неприятное не обязана измеряться красотой речи или скоростью решения. Интеллект, сознание и страдание требуют разных вопросов и разных оснований. Статья сопоставляет этическое различение Бентама, условный исследовательский подход Патрика Батлина с коллегами и современный спор о поведении шмелей. Два последних научных ответа в этом споре показывают, почему выбор модели анализа имеет значение и почему согласие об одном результате не завершает весь вывод. Мы не определяем сознание конкретного ИИ, не составляем рейтинг достоинства существ и не превращаем спорную реакцию в установленное переживание боли. Практическая задача — назвать измеренную способность, возможный опыт и решение об обращении раздельно, чтобы успех, убедительность и уязвимость не подменяли друг друга в рассуждении.

I. Три вопроса нельзя решить одним удачным ответом

Представим, что участник задачи быстро находит выход, исправляет ошибку и использует прошлую информацию. Это даёт основания обсуждать определённые способности. Однако вопрос, есть ли для него переживание происходящего, имеет другой предмет. Ещё один вопрос касается того, может ли что-либо быть для него неприятным изнутри. Все три могут участвовать в одной ситуации, но участие не означает тождества. Когда скорость решения становится общей мерой внутренней жизни, мы приписываем показателю задачи значение, для которого он не обязательно был выбран или проверен.

То же происходит с внешней выразительностью. Драматическая реакция может сразу вызвать участие; сдержанная или непонятная реакция — не привлечь внимания. Это различие говорит также о наблюдателе и привычном ему языке признаков. Оно не позволяет без дополнительных оснований ранжировать качество опыта. Поэтому полезно сначала записать, какое действие наблюдалось, затем — какой вывод о способности оно поддерживает и только после этого — какой переход к опыту предлагается. Такая последовательность не обещает прямого доступа внутрь, но делает подмену вопроса заметной.

У слова «интеллект» также должен быть конкретный предмет. Успешность в одной задаче не описывает все способности существа. Если программа правильно продолжила последовательность, это ещё не устанавливает её возможности в иной ситуации. Если животное не выполнило неудобную для него проверку, отрицательный результат нуждается в описании условий. Человеческая понятность испытания не является универсальной мерой ума. В этой статье интеллект обозначает обсуждаемые способности решения и использования информации, а не единый балл, который определяет всё остальное о рассматриваемом существе.

Разделение вопросов помогает и там, где решение нужно принять раньше полного знания. Мы можем хорошо проверить результат расчёта, иметь неполные сведения об опыте системы и отдельно обсуждать способы обращения с потенциально уязвимым существом. Разные степени уверенности здесь допустимы, потому что основания различаются. Непоследовательность начинается при незаметном переносе уверенности между ними. Например, надёжная оценка компетентности превращается в окончательный вывод о страдании только потому, что оба свойства названы «внутренними». Каждому переходу требуется своё объяснение, которое другой человек мог бы рассмотреть.

II. Бентам меняет моральный вопрос, а не проводит тест сознания

В примечании к главе XVII Бентам противопоставляет способность страдать способности рассуждать или говорить. Его вопрос направлен против исключения животных из рассмотрения по удобному признаку. Значение этого хода состоит в выборе морально существенного свойства. Он не сообщает современный лабораторный способ установить это свойство у каждого вида. Историческое этическое рассуждение и эмпирическая проверка выполняют разные задачи. Если сохранить их различие, цитата помогает увидеть ошибку критерия, не превращаясь в универсальное доказательство любого предполагаемого состояния.

Допустим, в обсуждении животного главным аргументом становится то, что оно не умеет объяснить свой выбор словами. С позиции вопроса Бентама нужно уточнить, почему отсутствие именно этой способности должно исключать значимость возможного страдания. Для такого исключения потребуется дополнительное основание. Но обратный переход тоже нуждается в проверке: отказ от речевого критерия не доказывает конкретного неприятного ощущения. Этический вопрос изменяет направление внимания. Он не заменяет наблюдения, описание вида, протокол исследования и различение реакции с тем состоянием, которое человек хочет установить.

Бентамовский текст содержит и другие исторические суждения, которые не следует автоматически переносить в современное обсуждение. Для этой статьи важен определённый аргумент о критерии внимания, а не все его представления о животных и последствиях обращения с ними. Нельзя подтверждать нынешний вывод одним уважением к имени автора. Содержательное чтение сохраняет точное место и объясняет, какая мысль используется. Тогда источник помогает рассуждению, а читатель видит возможность согласиться с выбранным различением, не принимая весь исторический текст как действующую норму.

Практически этот поворот освобождает моральный разговор от необходимости сначала наградить существо человеческим портретом. Возможное страдание может иметь значение, даже если его носитель не похож на нас по речи, скорости или выразительности. В то же время слово «возможное» нельзя стирать. Оно обозначает статус вывода и необходимость установить основания. Так мы получаем два разных вопроса: что могло бы иметь значение для обращения и какие данные говорят о наличии такого свойства. Уважение к первому вопросу не разрешает отвечать на второй произвольной уверенностью.

III. Компетентность не задаёт полноту опыта

Представим два способа выполнить один расчёт. Оба дают верное число, но используют разные процессы. Одинаковый результат позволяет сравнить точность на этой задаче. Он не объясняет всё устройство процессов и не устанавливает одинаковую внутреннюю жизнь. Здесь важно не само различие человеческого и искусственного участника, а масштаб основания: измерение входа и выхода отвечает на вопрос о данном преобразовании. Если из него выводят субъективное состояние, необходимо указать, какой дополнительный аргумент связывает результат с этим состоянием, а не просто повторить, что задача была сложной.

Отчёт Батлина с коллегами отдельно рассматривает отношения сознания и возможностей. Его рабочие предпосылки не требуют автоматически приписывать системе весь человеческий характер вместе с сознанием. В частности, опыт может

обсуждаться отдельно от положительной или отрицательной окраски. Это концептуальное различение, а не обнаружение конкретного нейтрального переживания в машине. Оно помогает удержать три вопроса нашей темы раздельно: компетентность, наличие опыта и возможность страдания не становятся равными только из-за того, что в привычном человеческом образе они часто встречаются вместе.

Смысл различения легко потерять при сравнении результатов. Мы видим высокий уровень выполнения и добавляем интерес, гордость или разочарование, потому что так выглядела бы похожая человеческая сцена. Но перенос всей сцены требует больше, чем результат задачи. Можно признать способность действительной, не заполняя неизвестную перспективу набором эмоций. Это сохраняет исследовательскую открытость: вопрос об опыте остаётся, а неподтверждённые детали не принимаются за его содержание. Отказ от деталей не означает обесценивания компетентности, которая уже имеет собственное основание в конкретной проверке.

Обратная ошибка состоит в предположении, что только очень высокий интеллект даёт основание учитывать уязвимость. Такой критерий требует объяснить, почему способность страдать должна зависеть именно от выбранной шкалы решения задач. Один рейтинг не устанавливает эту связь. Поэтому в обсуждении важно спросить, каковы данные о том свойстве, которое действительно имеет значение для решения. Мы можем оценивать способности и одновременно отказаться превращать их в общий порядок достоинства. В частности, человеческое достоинство не становится в этой статье функцией результата теста или степени похожести на эффективную машину.

IV. Выбор, награда и переживание требуют отдельной связи

В описании поведения часто говорят о предпочтении: существо чаще выбирает один вариант. Это полезный способ назвать устойчивость действия при определённых условиях. Но он не обязательно раскрывает, чем вариант переживается. Значение слова нужно сохранить достаточно узким, пока не приведены другие основания. Иначе статистическая разница превращается в рассказ о удовольствии или боли без объяснения перехода. Важен не отказ от эмоциональных гипотез, а возможность различить наблюдаемый выбор, механизм его изменения и предположение о субъективной значимости выбранного события.

В искусственных системах слово «награда» может обозначать элемент процедуры обучения или оценки действия. Само название не сообщает о чувстве удовольствия. Если программа увеличивает показатель, это ещё не доказывает, что для неё стало лучше изнутри. Батлин и коллеги обсуждают различие возможностей, сознания и эмоционально окрашенного опыта, позволяющее поставить этот дополнительный вопрос. Не нужно заранее решать его по лексике разработчика. Техническое употребление знакомого

человеческого слова имеет смысл только вместе с описанием функции и тем аргументом, который связывает её с переживанием.

Представим условную задачу с двумя целями, где достижение одной иногда уменьшает результат по другой. Переключение между ними свидетельствует о некотором способе выбора. Однако названный «компромисс» ещё не устанавливает страдание от проигранной цели. Чтобы исследовать эту возможность, нужны условия, при которых конкурирующие объяснения расходятся. Иначе любое изменение выбора подтверждает нашу историю. Такой пример не является моделью шмеля или доказательством искусственного опыта. Он помогает уточнить, почему содержательная поведенческая сложность и качественная окраска опыта относятся к разным ступеням аргумента.

Удобная формулировка сохраняет оба уровня: «Выбор изменился при таких условиях; это может быть значимо для такой гипотезы». Затем следует указать, что ещё нужно проверить. Если вместо условной связи появляется безоговорочное название эмоции, нужно вернуть пропущенное основание. Если же сложный выбор заранее объявляют незначимым, стоит объяснить, почему он не влияет на рассматриваемую гипотезу. Ни восхищение гибкостью, ни слово «автоматический» не выполняют эту работу. Значимость результата возникает из вопроса, сравнения и аргумента, который делает связь доступной для проверки.

V. Спор о шмелях показывает, зачем нужен выбор модели анализа

В опубликованном в *Animal Behaviour* ответе 2026 года Матильда Гиббонс и коллеги повторно рассматривают данные эксперимента о выборе шмелей при изменении температуры и сахарного вознаграждения. Они защищают модель, учитывающую различия температурного ответа между особями, и сообщают исправление ошибки в записи статистического результата. Для нашей темы важен предмет спора: поддерживают ли данные взаимодействие условий, связанное с гипотезой мотивационного компромисса. Здесь используются прочитанные ответы исследователей, а не независимая перепроверка первичного эксперимента 2022 года или выполнение его анализа.

В собственном последующем ответе Дженни Рид и Вивек Нитьянанда возражают против вывода из исправленной модели. Их аргумент касается того, можно ли при имеющемся устройстве задачи надёжно отделить изучаемое взаимодействие от индивидуальных различий и сложности модели. Так слово «подтверждено» получает условие, которое популярный пересказ часто опускает: подтверждено при определённом способе анализа. Из-за этого спор нельзя решить выбором наиболее уверенного заголовка.

Нужно выяснить, что считается наблюдением, что зависит от модели и почему авторы считают именно этот способ подходящим к вопросу.

Модель анализа — не произвольная декорация и не автоматическая гарантия. Она связывает структуру данных с вопросом. Слишком простое описание может потерять существенные различия; слишком сложное может приписать данные эффекту, который устройство задачи не позволяет уверенно отделить. В этом споре обе стороны приводят содержательные причины для своей позиции. Читатель статьи не обязан самостоятельно пересчитать работу, но должен сохранить статус: названы аргументы участников, а окончательная независимая оценка исходных данных здесь не выполнена. Ясное описание разногласия полезнее ложного объявления собственного арбитража.

Особенно важно не превращать статистическое разногласие в прямой ответ о внутреннем переживании. Даже если взаимодействие надёжно установлено, остаётся вопрос, какое место оно занимает среди оснований гипотезы опыта. Если оно не установлено данным анализом, это не доказывает отсутствие любого опыта у вида. Отрицательный результат касается определённого аргумента и условий проверки. Так исследование может и усиливать, и ослаблять отдельную линию свидетельств, не заменяя её общим лозунгом. Полезный пересказ показывает, какой переход спорен, а какие выводы ещё вообще не были предметом этой проверки.

VI. Согласие об одном результате не снимает разногласия о другом

В обмене о шмелях обе стороны признают значение результата, связанного с памятью о признаках кормушки. Но это не тот же вывод, что наличие нужного статистического взаимодействия. Читателю легко соединить их в один пакет: если животное использует прошлый опыт, значит уже подтверждён весь аргумент о страдании. Именно такой переход требует остановки. Согласие об использовании информации сохраняет своё значение, а вопрос о другом эффекте остаётся отдельным. Не нужно уменьшать первый результат, чтобы признать, что второго согласие пока не касается.

Это различие полезно в любом споре, где несколько выводов следуют друг за другом. Представим, что участники согласны о выборе, но расходятся о его механизме; согласны о механизме, но расходятся о его субъективном значении. Фраза «исследователи всё отрицают» будет такой же неточной, как фраза «исследователи всё признали». Нужно назвать предмет каждого согласия и несогласия. Тогда новые данные можно оценить по тому звену, которое они меняют, а не заставлять весь спор каждый раз начинаться с нуля вокруг наиболее громкого слова.

Гиббонс и коллеги прямо отмечают, что мотивационный компромисс сам по себе не подтверждает способность к переживанию, хотя может составлять важную линию свидетельств. Такое ограничение сохраняет место другим основаниям. Оно не означает, что авторы отказались от своего статистического вывода; наоборот, они продолжают его защищать. Необходимо удержать обе части предложения. Если процитировать только осторожность, можно создать впечатление полного отрицания. Если сохранить только защиту, получится впечатление окончательного доказательства. Целое высказывание показывает меру вывода лучше любого выбранного для спора лозунга.

Последующий ответ Рид и Нитьянанды предлагает направление нового исследования: строить задачу так, чтобы легче отделить изменение условий внутри особи от различий между особями. Это предложение не является уже полученным решением спора. Его ценность состоит в том, что названо различие, которое следующая работа могла бы сделать яснее. Для читателя это хороший признак содержательного разногласия: вопрос получает проверяемое продолжение. Но изложение предложения должно сохранять будущее время, иначе направление проверки превращается в выполненный результат, которого наш текст в действительности не прочитал и не подтвердил.

VII. Возможное переживание не нужно наполнять всей человеческой историей

Если у существа есть опыт, из этого не следует автоматически наличие знакомых нам эмоций во всём их человеческом содержании. Страх человека может включать рассказ о будущем, общественном положении и собственной биографии. В другой организации возможная неприятность не обязана иметь ту же форму. Эта мысль ограничивает перенос, а не отрицает значимость переживания. Для обсуждения достаточно назвать, какое качество предполагается и на каких основаниях. Чем богаче добавленная история, тем больше неподтверждённых деталей она может принести вместе с одним первоначально содержательным признаком.

Функциональный подход Батлина с коллегами также требует сохранять предпосылку при переносе к искусственной системе. Описанная организация может иметь значение в рамках выбранного объяснения сознания. Но из неё нельзя автоматически получить человеческую способность огорчаться, гордиться или испытывать боль. Даже когда действие включает оценку вариантов, остаётся вопрос о субъективной окраске. Его нельзя решить одним техническим словом «ценность». Такая осторожность не отменяет исследовательского подхода; она помогает назвать дополнительный предмет, который потребует собственной теории, данных и способа проверки.

Можно представить шкалу, где система получает больше баллов за удачный ответ и меньше за ошибку. Шкала полезна для оценки заданного результата. Однако знак числа не устанавливает чувства удовольствия или неприятности. Если обсуждается возможность страдания, важно выяснить, что кроме численного различия связывает процесс с этим свойством. Иначе речь идёт об оценке разработчика, незаметно превращённой в оценку для самой системы. Это авторский условный пример, а не факт о внутреннем состоянии какой-либо модели или о результатах конкретной процедуры обучения.

То же различие защищает разговор о животных от избыточного очеловечивания. Мы можем учитывать вероятную значимость ситуации, не приписывая виду подробно сочинённую человеческую биографию. Такая мера нужна и при недостатке сведений, и при наличии нескольких линий свидетельств. Она позволяет говорить серьёзно о возможной уязвимости, оставляя неизвестное обозначенным. Участие не обязано принимать форму уверенного рассказа от лица другого существа. Иногда более внимательное отношение выражается в том, что человек точно называет реакцию, возможный риск и границу собственного знания, не выдавая последнее за полное объяснение.

VIII. Решение о предосторожности имеет собственное основание

Наличие неопределённости не означает, что до её исчезновения любые действия одинаково допустимы. Представим, что можно избежать воздействия, потенциально неприятного для животного, без существенной потери для необходимой задачи. Решение не добавлять это воздействие может обсуждаться на основании возможного вреда и доступных альтернатив. Оно не является доказательством того, что переживание уже установлено. Это практический аргумент автора о выборе действия при неизвестном состоянии. Он отличается от научного вывода и должен оцениваться как аргумент о последствиях, основаниях и соразмерности решения.

Предосторожность требует назвать и цену альтернативы. Если мера сама создаёт вред другим людям или животным, этого нельзя скрыть за красивым словом о заботе. Но и удобство действующего лица не превращается в доказательство отсутствия уязвимости другого. Нужно увидеть обе стороны конкретного решения и проверить, какие сведения действительно относятся к каждой. Такой разговор не устанавливает общего численного курса обмена страданий. Он делает последствия видимыми, чтобы решение не принималось по одной выразительной истории и не игнорировало тех, кто не умеет привлечь внимание привычным нам способом.

Оценка факта, выбор меры и публичное сообщение поэтому могут различаться. Можно сообщить, что данные спорны, и одновременно выбрать ограниченное действие, допускающее пересмотр. Нельзя объявить действие подтверждением факта только потому, что оно принято серьёзно. И нельзя сообщать полную уверенность, если основанием решения была именно неопределённость. Честность помогает сохранить возможность менять меру при новых сведениях. Когда прежнее действие оправдывают преувеличенным заявлением, пересмотр становится труднее: приходится защищать не только решение, но и более сильную историю, которая для него вообще не была необходима.

В этой статье не предлагается домашний опыт со шмелями, причинение неудобства животному или клинический способ измерить страдание. Прочитанный спор используется для понимания вывода, а не для воспроизведения вмешательства. Практическая работа читателя относится к собственному рассуждению и описанию уже имеющихся сведений. Если нужен конкретный способ ухода, исследования или лечения, потребуется соответствующее знание за пределами этой темы. Уточнение этой границы сохраняет пользу статьи: она помогает сформулировать вопрос и проверить основание, не обещая заменить специальную процедуру общим этическим впечатлением.

IX. Назовите способность, опыт и ответственность разными предложениями

Вместо одного общего заключения можно составить три предложения. Первое описывает, что существо делает в определённой задаче. Второе обозначает, какое предположение об опыте поддерживают данные и насколько условен переход. Третье объясняет, какое действие выбирается и почему. Такой порядок помогает увидеть, где исследование заканчивается и начинается практическая оценка. Если предложение не имеет основания, пробел становится заметным. Его не нужно немедленно заполнить: иногда правильнее сохранить вопрос, чем дать всем трём предложениям одинаковую уверенность только ради гладкости общего рассказа.

В споре о шмелях первый уровень включает изучаемый выбор и память, второй — значение предложенного взаимодействия и других свидетельств для гипотезы переживания. Решение о возможной предосторожности относится к третьему уровню. В вопросе об ИИ первая ступень может касаться результата задачи, вторая — теоретически значимой организации, третья — правил обращения и последствий для людей. Это не приравнивает пчелу к программе. Сравнение ограничено устройством рассуждения: в обоих случаях нельзя перенести вывод между уровнями, просто сохранив слово «ум» или «награда».

Бентам помогает проверить выбранный моральный критерий. Батлин и коллеги помогают не смешать сознание с возможностями и субъективной окраской. Гиббонс с коллегами и Рид с Нитьянандой показывают, что конкретное свидетельство требует обсуждения дизайна и модели анализа. Эти подходы не образуют одну готовую систему. Их различия полезны именно потому, что каждый ставит свой вопрос. Сопоставление не заменяет эксперимент этикой и не делает технический результат последним словом о допустимом обращении. Оно возвращает каждому основанию ту работу, которую оно действительно способно выполнить.

Так становится возможным уважительное рассуждение без рейтинга внутренней ценности по интеллекту. Высокая компетентность получает заслуженное описание; возможное переживание — отдельные основания; ответственность — видимые последствия и возможность пересмотра. Мы не обязаны знать весь чужой опыт, чтобы отказаться от удобной подмены вопроса. Но серьёзность темы не разрешает объявлять неизвестное установленным. Чем точнее названы эти границы, тем легче обсуждать новые данные, замечать действительную уязвимость и не заставлять ни научный спор, ни моральное внимание держаться на одном впечатляющем результате.

Что это значит на практике

Выберите одно уже существующее утверждение о животном или искусственной системе. Запишите, какая способность в нём описана: выбор, память, решение, самоотчёт или другое действие. Укажите задачу и доступные условия. Если в сообщении сразу названа эмоция, отдельно отметьте, что наблюдалось и какой переход к эмоции предлагается. Не проводите дополнительных воздействий ради упражнения. Работа относится к чтению и рассуждению, а не к любительской проверке, которая могла бы причинить неудобство или создать видимость научного результата без нужного протокола.

Затем составьте второе предложение о возможном опыте. Назовите источник основания и статус: наблюдение, предложенная интерпретация, спорный анализ или теоретическая гипотеза. Если источник не сообщает качество переживания, не добавляйте его из собственной фантазии. В случае научного разногласия выпишите, о каком звене спорят участники. Согласие о памяти не равно согласию о всяком другом эффекте; сомнение в одном эффекте не является доказательством отсутствия опыта вообще. Это различие должно остаться видимым в вашей записи.

Третьим предложением назовите решение, которое действительно нужно принять. Какие последствия возможны? Какая альтернатива доступна? Нужно ли для этого решения знать точный характер опыта или достаточно более узкого основания? Не выдавайте выбранную предосторожность за доказательство. Если меру нельзя оценить по

имеющимся сведениям, обозначьте недостающее знание и подходящий следующий шаг. Иногда он состоит в чтении первичного текста или консультации по конкретному вопросу, а не в ещё одном общем споре о том, кто считается достаточно умным.

Наконец, укажите, что могло бы изменить каждое из трёх предложений. Новый результат задачи может изменить оценку способности, уточнение модели — оценку свидетельства, новые последствия — выбор действия. Они не обязаны меняться одновременно. Эта практика не диагностирует сознание и не доказывает страдание. Она помогает удержать интеллект, опыт и ответственность в содержательной связи без подмены, чтобы забота не зависела от эффектности поведения, а точность исследования не превращалась в оправдание безразличия к возможной уязвимости.

Ключевая цитата

> *Мотивационные компромиссы сами по себе не подтверждают способность к переживанию, но образуют одну важную линию свидетельств.*

Матильда Гиббонс и коллеги, *Reassessment confirms motivational trade-offs and modulation of nociception in bumble bees*, *Animal Behaviour* 231, 2026, статья 123390, с. 4, заключение. Перевод United Wisdom с английского; полное предложение. Авторы защищают свой анализ, сохраняя границу между отдельной линией свидетельств и окончательным установлением субъективного опыта.

Связи между традициями

Источник и точное место A	Источник и точное место B	Механизм сопоставления	Граница различия
Бентам, XVII, §1 IV, прим. 122	Батлин и коллеги, §4.1.1 и §4.2	Отделить моральную значимость возможного страдания от оценки интеллекта.	Этический критерий не устанавливает опыт машины.
Гиббонс и коллеги, с. 2–4, модель и таблица 1	Рид и Нитьянанда, авторская рукопись, строки 20–53	Проверить, от какого способа анализа зависит вывод о взаимодействии.	Статья излагает разногласие без независимого пересчёта данных.
Гиббонс и коллеги, с. 2, тест памяти и рис. 1	Рид и Нитьянанда, строки 7–13	Сохранить согласие об информации отдельно от другого спорного вывода.	Память не устанавливает всю гипотезу страдания.
Бентам, прим. 122: вопрос об обращении	Гиббонс и коллеги, с. 4, ограничение вывода	Различить выбор морального вопроса и степень эмпирического подтверждения.	Предосторожность не является доказательством.
Батлин и коллеги, §4.2: возможности и субъективная окраска	Гиббонс и коллеги, с. 4: отдельная линия свидетельств	Не выводить переживание непосредственно из сложности выбора.	Подход к искусственным системам не описывает физиологию насекомых.
Рид и Нитьянанда, строки 54–60: будущий дизайн	Батлин и коллеги, §1.2.1: рабочая гипотеза	Превратить предел вывода в определённый вопрос следующей проверки.	Ни предлагаемый опыт, ни теоретическая предпосылка не объявлены окончательным результатом.

Первоисточники

1. Джереми Бентам. *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*, Oxford, Clarendon Press, 1907, переиздание исправленного текста 1823 года. Прочитаны гл. XVII, §1 II–VI и полное прим. 122 к IV; заключительный вопрос сверён также в параллельном тексте. Использован моральный критерий, а не все исторические суждения о животных.

2. Патрик Батлин, Роберт Лонг и коллеги. *Consciousness in Artificial Intelligence: Insights from the Science of Consciousness*, arXiv:2308.08708v3, 22 августа 2023. Прочитаны записанные в подготовке определения и предпосылки, признаки GWT и пример архитектур; для этой темы использованы §1.2.1, §4.1.1 и §4.2. Теоретический перенос условен; данные о страдании конкретного ИИ не установлены.

3. Матильда Гиббонс, Элизабетта Версаче, Эндрю Крамп, Бартош Баран, Ларс Читтка. *Reassessment confirms motivational trade-offs and modulation of nociception in bumble bees*, *Animal Behaviour* 231, 2026, 123390, DOI 10.1016/j.anbehav.2025.123390. Прочитан полный содержательный ответ с повторным анализом, рис. 1, таблицей 1 и ограничением вывода. Исходный эксперимент 2022 года, код и данные независимо не проверялись.

4. Дженни С. А. Рид, Вивек Нитьянанда. *Revised models still do not show evidence for motivational trade-offs modulating nociception in bees*, авторская трёхстраничная рукопись, прочитаны все содержательные строки 3–60. Связанная публикация: *Animal Behaviour* 233, 2026, 123457, DOI 10.1016/j.anbehav.2025.123457; тождество рукописи финальной журнальной версии не заявляется. Прочитан этот ответ, а не вся предыдущая полемика. Русские цитаты переведены United Wisdom с английского.

Теги

интеллект, сознание, страдание, опыт, уязвимость, Бентам, Батлин, Гиббонс, Рид, Нитьянанда, животные, шмели, насекомые, искусственный интеллект, выбор, память, награда, мотивация, модель, анализ, свидетельство, спор, неопределённость, предосторожность, ответственность, достоинство, проверка, различение, последствия, этика

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.